

АЛЕКСЕЙ НАКСЕН

BA
BOOK

НЬЮ-ЙОРК:

ГОРОД И ЛЮДИ

Алексей Наксен

НЬЮ-ЙОРК: ГОРОД И ЛЮДИ

*История Нью-Йорка в контексте
важнейших событий в стране и в мире*

Почти четыре столетия истории Нью-Йорка наполнены множеством удивительных событий, каждое из которых по-своему значительно и интересно. Но среди них особое место занимают те, что определили характер и судьбу Нью-Йорка. Именно об этом идёт речь в книге. Читателя ожидает не столько размеренная прогулка по страницам учебника истории, сколько интенсивное погружение в очень непростую жизнь великого города — от момента его основания и почти до наших дней. Повествование ведётся в двух уровнях: собственно рассказ о городе и событийный исторический контекст.

Алексей Наксен
Нью-Йорк: город и люди
История Нью-Йорка в контексте важнейших событий в
стране и в мире

Alex Naksen
New york: a city and its dwellers
The history of New York in the context of the most significant
domestic and world events

ISBN 978-1-950319-57-2

Copyright © 2021 by Alex Naksen

All rights reserved.

Иллюстрации в тексте — [Wikimedia.org](https://wikimedia.org)

Published by MGraphics | Boston, MA
mgraphics-books.com

In Cooperation with Bagriy & Company | Chicago, IL
www.bagriycompany.com

Алексей Наксен — автор и ведущий ток-шоу на нью-йоркском «Дэвидзон радио 620 AM» и телеканале RTN. Его программы «Ракурс» и «Итоги недели» хорошо известны американской русскоязычной аудитории и пользуются заслуженной популярностью. А как телевизионный сценарист, он создал многосерийный документальный сериал «Американский ликбез» (ведущий — Виктор Топаллер) на телеканале RTVi. Аналитические статьи Алексея Наксена регулярно публикуются в еженедельнике «Вечерний Нью-Йорк». Темы Америки, Нью-Йорка — главные в творчестве автора.

Содержание

Предисловие.....	10
Очерк первый Новые Нидерланды	15
Очерк второй Нью-Амстердам	47
Очерк третий Колониальный Нью-Йорк.....	85
Очерк четвёртый Цена свободы	118
Очерк пятый Начало начал	164
Очерк шестой Жажда созидания.....	201
Очерк седьмой Гавань, порт и город.....	240
Очерк восьмой Жизнь берёт своё	273

Очерк девятый Gilded Age, или Позолоченный век	308
Очерк десятый Большой Нью-Йорк.....	362
Очерк одиннадцатый Прогрессивные времена.....	397
Очерк двенадцатый Заморская зараза.....	446
Очерк тринадцатый Эра Джаза	498
Очерк четырнадцатый Идеальный шторм	550
Очерк пятнадцатый Лекарство от депрессии	585
Очерк шестнадцатый Мир завтрашнего дня.....	631
Очерк семнадцатый Время испытаний.....	661
Очерк восемнадцатый Столица мира	721

Очерк девятнадцатый	
Непростые годы	776
Очерк двадцатый	
Закон и порядок	820
Очерк двадцать первый	
Яппи и другие	856
Очерк двадцать второй Д	
евяностые годы	898
Послесловие	967

Посвящается моим родителям: Павлу Л. Нахцен и Эстер-Малке С. Хмельницкой. Именно их неугасимый интерес к жизни подтолкнул меня к написанию этой книги.

И что ещё совершенно определённо, сага о Нью-Йорке не увидела бы свет без поддержки моей супруги Людмилы и сына Дениса. Спасибо за веру в этот проект... и его автора.

Предисловие

Я живу в Нью-Йорке. Обычно, когда говорят «Нью-Йорк», возникает образ Манхэттена, его небоскрёбов, рвущих облака. Это верно, но только отчасти. Нью-Йорк — это ещё и Бруклин, Бронкс, Квинс и Стэйтен-Айленд. На севере Квинса есть район, называемый Флашинг. Там находится мой дом, шестиэтажный кооператив из красного кирпича. В своё время этот дом был построен благодаря федеральной программе по обеспечению доступным жильём ветеранов Второй мировой войны. Но с тех пор много воды утекло...

В квартире подо мной сейчас живёт семья программиста из Индии. У него двое сыновей. Один из них, наверное, собирается стать барабанщиком в оркестре. Порой слышно, когда он репетирует. Славный мальчик. В этот момент хочется, чтобы он поскорее поступил в колледж. А ещё я теперь очень хорошо знаю, когда наступает Новый год по восточному календарю — соседи надо мной празднуют до

утра. Но очень по-китайски: приглушённо и спокойно. В квартире справа долгие годы жил пожилой итальянец; встречаясь, мы обменивались вежливыми приветствиями: «Бон джорно, синьор Поццо!» — «Бон джорно, Алекс».

Чуть дальше по коридору обитает молодая китайская семья. Там с утра до вечера слышны звуки фортепиано — старший сын берёт уроки музыки. За ними — таксист из Индии. У него ответственная задача — поставить на ноги трёх дочерей. Проходя по коридору, узнаю по специфическим острым запахам, что мои восточные соседи готовят на обед... Со стопроцентным американцем, народным умельцем, Артом Морганом я часто пересекался в комнате для хобби. Есть и такая в подвале нашего дома. А по соседству с ней — замечательный фитнес-зал. Когда-то там было бомбоубежище, но пришли благополучные 1990-е годы, страхи холодной войны остались позади, и правление кооператива решило переоборудовать его на радость жильцам.

Жизнерадостный Билл Смит из квартиры напротив всегда широко улыбается, демонстрируя прекрасную работу дантиста. У Смита всё хорошо: отслужил 20 лет в армии и остался цел и невредим. Заработав военную пенсию, он теперь в своё удовольствие занимается восстановлением и ремонтом коллекционных машин. Рядом с ним живёт обаятельнейшая миссис Сакс. Она рано осталась одна, но невзирая на это смогла вырастить двух сыновей, дать им образование. Отличные ребята, старший избрал сложную и опасную работу пожарного, а младший стал финансистом. Сейчас у них уже свои семьи... А ещё у нас в доме жили и живут ирландцы, греки, корейцы, филиппинцы, поляки, русские и прочие разные шведы. На коробках многих входных дверей прикреплены традиционные еврейские мезузы. На моей двери её однажды установил мистер Голдберг, ветеран Второй мировой войны, у которого мы четверть века назад купили квартиру. Таково человеческое многообразие Земли, представленное в одном нью-йоркском многоквартирном доме.

Это только одна из сторон — может быть, главнейшая — нашего мегаполиса. Он многообразен, ярок и противоречив. Одни называют Нью-Йорк «Столицей мира», другие — «Большим яблоком», третьи — «Городом, который никогда не спит», четвёртые — «Готэм» (*Gotham*), пятые — «Имперским городом», шестые... ну, это уже несущественно. Разумеется, обилие многочисленных названий и прозвищ может многое сказать об их владельце, хотя в нашем случае — наверное, вы согласитесь — это и не столь уж важно. Гораздо важнее понять, что сделало Нью-Йорк уникальнейшим местом на земном шаре, выделило его из множества не менее замечательных, но *других* городов.

Почти четыре столетия его истории наполнены множеством совершенно удивительных событий, каждое из которых по-своему значительно и интересно. Тем не менее, среди них я выделил те, что всколыхнули мои эмоции, заставили задуматься и сопереживать. Именно они, как мне представляется, определили характер и судьбу Нью-Йорка. Поэтому Вас, дорогой читатель, ожидает не столько

размеренная прогулка по страницам учебника истории, сколько интенсивное погружение в очень непростую жизнь великого города — от момента его основания и почти до наших дней. Повествование ведётся в двух уровнях: собственно рассказ о городе и событийный исторический контекст.

Алексей Наксен

Очерк первый

Новые Нидерланды

Обычно с основанием каждого всемирно известного города связана какая-то полу- или целиком мифическая история. Например, Рим, по древнему преданию, был основан шустрым отроком Ромулом. Он вместе со своим братом-близнецом Ремом был однажды найден на берегу Тибра и вскормлен волчицей у склонов Палатинского холма. Братья выросли, возмужали и решили остаться жить на том месте, где им привелось встать на ноги. Так в 753 году до нашей эры и возник город Рим. Не обошлось без семейственности и в истории славного города Киева. Согласно преданию, он был основан братьями Кием, Щеком, Хоривом и их сестрой Лыбидью, а назван в честь старшего брата — Кия.

В древние времена история была скорее литературой, чем наукой. В мифах и легендах вымысел причудливо переплетался с достоверными событиями, и происходило это порой настолько органично, что отделить одно от другого бывает непросто...

О возникновении Нью-Йорка рассказывают, что всё началось, когда в 1626 году директор-распорядитель тамошней голландской колонии Питер Минуит (*Peter Minuit*) решил приобрести у местных индейцев остров Манхэттен. Сговорились на двух комплектах тёплой одежды — для вождя и его жены, нескольких ножах, мотыгах и бусах. Товар был импортный, европейский и стоил довольно дорого — 60 гульденов, что равнялось годовой зарплате самого Минуита. Так и было положено начало возведению будущего города — Нью-Йорка.

Всё бы хорошо, за исключением одного — к реальной жизни это имело самое отдалённое отношение. Точнее, вообще никакого. По одной простой причине — в те времена у американских индейцев не было института частной собственности. Личная — да, была. Но представить, что можно владеть землёй, — как, впрочем, и воздухом и водой, — индейцы не могли. Поэтому заключать договор о продаже права на владение своим островом каким-то неведомо откуда приплывшим бледнолицым не стали бы — в их сознании такой договор был лишён

смысла. Как полагают современные историки, скорее всего, индейцы имели в виду совместное использование природных богатств острова — ловлю рыбы, охоту. Вместе, а не вместо.

Но в том и сила мифа, что он с успехом замещает реальность. В нашем случае он удивительным образом определил дальнейшую судьбу Нью-Йорка — города, которому было предназначено стать крупнейшим финансовым центром мира. Этот город всегда зарабатывал деньги: сначала гульдены, потом фунты стерлингов и, наконец, доллары. В нём постоянно что-то покупали и продавали. Марк Твен однажды заметил, что в Бостоне у приезжего спрашивают — что ты знаешь, в Филадельфии — кого ты знаешь, а в Нью-Йорке — сколько ты стоишь.

Вглядываясь в герб Нью-Йорка, зрители узнают героев легендарной истории с приобретением острова Манхэттен. Тут и важный голландец слева, и полуобнажённый индеец справа, а в центре серебряного щита — крылья ветряной мельницы, одного из символов Нидерландов. Сверху и снизу — по хвостатому бобру, по сторонам — бочки с зерном. А над

щитом — орёл, стопроцентно американский символ. Правда, при англичанах на месте орла была корона, но не в этом дело. А в том, что бобры здесь неспроста: индейцы обменивали на европейские товары именно бобровые шкурки. Этот мех ещё со времён библейского царя Соломона считался королевским и стоил в Европе баснословно дорого. Изначально эти симпатичные животные, вкупе с мельничными крыльями и бочками зерна, были эмблемой голландской Вест-Индской компании, с неутомимой деятельностью которой и связано основание Нью-Йорка.

Герб и печать города Нью-Йорка

Но всё это произошло чуть позже. А в начале была бухта. Собственно, не одна, а две бухты: Аппер-бэй (*The Upper Bay*), то есть Верхняя бухта, что в устье реки Хадсон¹, и Ловер-бэй (*The Lower Bay*), Нижняя бухта, расположенная между Бруклином, Стэйтен-Айлендом и Нью-Джерси. Вход в бухту со стороны Атлантического океана образуют две песчаные косы: Фар Рокэвэй (*Far Rockaway*) на севере и Сэнди Хук (*Sandy Hook*) на юге. А разделяются Верхняя и Нижняя бухты сужением — Нэрроуз (*The Narrows*) — там, где большой остров Лонг-Айленд (*Long Island*) подходит ближе всего к острову меньшему — Стэйтен-Айленду (*Staten Island*). Учёные полагают, что это природное великолепие образовалось порядка 50 тысяч лет назад в результате движения огромных ледниковых масс. Перемещаясь, ледники, словно гигантским зубилом, вытесали из земной тверди все эти русла рек, заливы, заводи и протоки, впоследствии названные Нью-Йоркской бухтой.

---

¹ По устоявшейся традиции, на русскоязычных картах используется название Гудзон. — Прим. автора.

Уникальные размеры и строение бухты могли обеспечить для множества судов надёжное убежище от свирепых штормов Северной Атлантики. Во всём мире есть ещё только две природных гавани такого класса: Гонконгская и Сан-Францисская.

Европейцы же в американские края попали если и не по ошибке, то по недоразумению. Такое в истории случается довольно часто.

* * *

О сферичности нашей планеты говорили ещё античные мыслители Пифагор и Аристотель, но только в эпоху Возрождения это знание нашло реальное подтверждение. После путешествия Марко Поло в Европе возникла потребность в прежде неведомых товарах — китайских фарфоре, шелках и чае, индийских пряностях. В XV веке на смену Великому шёлковому пути пришла морская торговля. Парусные суда шли на Восток единственно известным в ту пору путём — вокруг Африки и через Индийский

океан. Маршрут был длинный и опасный. Тонули корабли, гибли экипажи, купцы теряли деньги... Неужто нельзя было добраться до терпкой экзотики восточных стран быстрее и надёжнее?

Паоло Тосканелли (*Paolo dal Pozzo Toscanelli*), итальянский астроном и географ, первым высказал идею, что до Индии и Китая можно добраться гораздо более коротким путём — если плыть от Геркулесовых столбов не на юг, а на запад. В 1474 году он сообщил об этом в письме некоему синьору Кристофоро Колумбо (*Cristoforo Colombo*), мореплавателю из Генуи. Тот принял гипотезу Тосканелли всерьёз и решил попробовать доказать её истинность собственным примером. Кончилось тем, что, высадившись на Багамах в октябре 1492-го, Колумбо — он же Колумб — был совершенно уверен, что ступил на долгожданный индийский берег. Переполненный обуревавшими его чувствами, он написал в судовом журнале: «Край этот поистине желанный, который, раз увидев, невозможно покинуть уже никогда». Когда впоследствии выяснилось, что он попал совсем не туда, куда намеревался, честолюбивому генуэзцу

пришлось довольствоваться славой первооткрывателя Америки.

А западный морской путь продолжал манить и тревожить воображение европейских монархов.

Французский король Франсуа I (*François Ier*) не был исключением. Стремясь обойти конкурентов — в первую очередь испанцев и португальцев, — он поручил итальянскому мореплавателю Джованни да Верразано (*Giovanni da Verrazano*) обследовать североамериканское побережье от Флориды до Ньюфаундленда, чтобы обнаружить проход в Тихий океан. Добравшись до американского континента и двигаясь вдоль побережья с юга на север, Верразано оказался первым европейским мореплавателем, кто увидел большую и закрытую от штормов бухту. В марте 1524 года его корабль «Дофин» (*Dauphine*) бросил в ней якорь в самом узком месте. Капитан корабля стал первым европейцем, ступившим на землю будущего Нью-Йорка. Вот почему мост через сужение бухты, построенный в 1964 году и самый длинный в то время, называли Верразано Нэрроузбридж (*Verrazano-Narrows Bridge*).

Завершение жизненного пути флорентийца Верразано было характерным для многих великих мореплавателей эпохи географических открытий — через четыре года он был съеден — в самом буквальном смысле — аборигенами одного из Карибских островов. Как говаривал великий грек Эпикур: «Умение хорошо жить и хорошо умереть — это одна и та же наука».

Продолжил дело итальянца Джованни Верразано, но почти столетием позже, англичанин по имени Генри Хадсон (*Henry Hudson*).

В отличие от прошлых времён, в начале XVII века поиском альтернативного пути в Азию озаботились уже не одни только королевские величества, но и английские, и голландские торговые компании. Ныне это словосочетание — «торговая компания» — не вызывает ни у кого каких-либо особенных ассоциаций. Бизнес на купле-продаже — и только. Но пятьсот лет назад это была не только коммерция, но и политика. И политики в этом было не меньше, а гораздо больше, чем чистой торговли.

Заметки на полях. До начала XVII века в Европе были две великие державы — Испания и Португалия. Наряду с колониями, которыми они владели, источником их силы и богатства была монополия на заморскую торговлю. Вся Европа зависела от них. И другим странам это категорически не нравилось. Они стремились подорвать могущество иберийских монархий. Для этого они, во-первых, собирали сведения о путях в Индию и Америку, которыми пользовались испанцы и португальцы, во-вторых, активно искали свои, новые пути к сокровищам Востока. А пока правительства неспешно снаряжали экспедиции, английские и голландские пираты прочно оседлали океанские коммуникации испанцев и португальцев, захватывая или отправляя на дно один галеон за другим.

Вслед за пиратами шли торговые компании. Молодая буржуазия протестантских стран создавала свои, новые формы и методы колониальной политики, в корне отличные от практики феодальных государств. Государственная бюрократическая машина, выкачивающая из колоний ресурсы для королевской казны, заменялась частным бизнес-сообществом, организующим всё

дело ради получения прибыли от торговли. Богатства колоний не растрачивались на бессмысленную роскошь королевского двора и на феодальные войны, а служили полезному делу первоначального накопления капитала.

В 1594 году несколько продвинутых голландских купцов решили соединить усилия и учредить компанию для торговли с Индией, Японией и Китаем. Компанию назвали «Ван Верре». Вскоре этому примеру последовали и другие предприимчивые голландцы. Дабы исключить взаимную конкуренцию между ними и совместно противостоять португальской, испанской и английской торговле, решением парламента Нидерландов — Генеральными Штатами — эти торговые компании были в 1602 году объединены в единую суперкомпанию, получившую название «Объединённой Ост-Индской компании». Стартовый капитал нового конгломерата составил 6 440 200 гульденов. Вполне приличные деньги по тем временам.

Одной из главных особенностей Ост-Индской компании стало то, что она была создана на паях и стала первым в мире акционерным предприятием. То есть учредители решили нести долевую ответственность за судьбу кораблей, отправляв-

шихся за океан. Ведь домой с грузом возвращалось, как правило, только одно судно из трёх, в то время как остальные становились жертвами штормов или добычей пиратов. Но риск был оправдан: успешный рейс приносил фантастическую прибыль. А для пайщика процент от этой прибыли зависел напрямую от суммы его вклада, мерой которого и становились первые в мире акции. Каждая акция вначале стоила 3 гульдена, за которые в то время можно было купить три воза пшеницы.

Предметами торговли были остро востребованные европейцами товары Востока: чай, шёлк, хлопок, серебро, медь, керамика и даже опиум. Плюс пряности, ценившиеся тогда в Европе на вес золота. Ост-Индская компания управлялась советом директоров и располагала шестью офисами в главных портовых городах Нидерландов.

Но у компании была и ещё одна особенная черта — она была в той же мере коммерческой организацией, что и военно-политической. Генеральные Штаты разрешили ей иметь свою армию и военно-морской флот, а также вести боевые действия и заключать мирные договора. Таким образом, компания становилась настоящим государством в государстве.

Ко второй половине XVII века Ост-Индская компания стала самым могущественным частным предприятием в мире. Она имела свыше 150 торговых судов, 40 боевых кораблей, 50 тысяч гражданских служащих и 10 тысяч военных. Это позволяло голландским купцам принимать участие в политических спорах того времени наряду с государствами. Но в отличие от монархий, они не стремились к захвату территорий и покорению туземного населения, а обычно ограничивались созданием факторий и фортов в важных торгово-стратегических точках. Используя эти опорные базы, Нидерланды обеспечивали господство своего военного и торгового флота на морях и, соответственно, монополию в колониальной торговле.

С первых дней своего образования Ост-Индская компания настойчиво искала кратчайший маршрут из Атлантического океана в Тихий, чтобы избежать долгого и опасного пути вокруг африканского мыса

Доброй надежды. Как тогда полагали, это можно было сделать двумя способами: двигаясь вдоль северных берегов Западной Европы и России, где следовало искать северо-восточный проход, или вдоль Северной Америки — там тоже должен был быть проход, но уже северо-западный. Для поиска северо-восточного прохода, казавшегося самым коротким, руководством Ост-Индской компании и был нанят на службу опытный английский мореплаватель и исследователь Севера Генри Хадсон. Предложение компании он принял с энтузиазмом: поиск северного морского пути в Азию был делом всей его жизни.

Четвёртого апреля 1609 года капитан Хадсон вышел из Амстердама на корабле «Полумесяц» («*Halve Maen*») под флагом Ост-Индской компании. Курс был взят на северо-восток. Задание было сформулировано лаконично: войти в Северный ледовитый океан и, двигаясь вдоль побережья России, пройти в Тихий океан и достичь стран Дальнего Востока. Выполняя приказ, Хадсон обогнул Норвегию, прошёл Баренцево море, достиг Новой Земли, но

дальше пробиться не смог из-за непроходимых паковых льдов и реальной угрозы мятежа команды, не желавшей продолжать путь, чреватый гибелью. Хадсон повернул обратно, но в порт отправки не вернулся. Вместо этого он направился к американским берегам, чем полностью нарушил экспедиционное задание. Безусловно, это грозило ему многими неприятностями, но капитан вполне осознанно шёл на риск.

Английский мореплаватель Генри Хадсон

Хадсон, как и многие мореплаватели его времени, был наслышан о загадочном водном пути, прорезавшем Северную Америку — насквозь, с востока на запад, от Атлантического к Тихому океану. О том, что такой проход есть, рассказывал английский мореплаватель Джордж Вэймут (*George Waymouth*) после своего путешествия 1602 года. Примерно то же утверждал и знаменитый Джон Смит (*John Smith*), основатель вирджинской колонии Джеймстаун. Только он сообщал о намного более южном местоположении этого прохода. К этим именам стоит добавить и Сэмюэля Шамплейна (*Samuel de Champlain*), французского путешественника и гидрографа, исследователя американского северо-востока. Он тоже сообщал о великом водном пути к Тихому океану. Со временем, правда, выяснилось, что Шамплейн принял за него Великие озёра, но это понимание пришло намного позже... Так что оснований искать этот путь у Хадсона было предостаточно.

Двигаясь всё время на запад, Хадсон пересёк Атлантический океан и в начале июля 1609 года достиг острова Ньюфаундленд в Северной Америке. Затем он взял курс на юг и при попутном ветре достиг Чезапикского залива, который и принял за начало желанного северо-западного прохода. Вскоре Хадсон обнаружил свою ошибку, вернулся и двинулся на север, идя строго вдоль берега и обследуя все попадающиеся бухты в поисках пролива. Перемещаясь таким образом, он, конечно же, не мог пропустить грандиозную Нью-Йоркскую бухту. 11 сентября «Полумесяц» бросил якорь у большого скалистого острова, замыкавшего Верхнюю бухту с севера. Коренные жители называли этот остров Манна-Хата, что означает «Остров Множества Холмов». На слух европейцев это индейское наименование звучало как Манхэта — от него и произошло название современного известного всему миру Манхэттена. Генри Хадсон сразу же оценил все достоинства найденной им бухты. Но останавливаться в ней надолго он не собирался. Ему надо было искать проход, который его звал и влёл.

После короткой передышки «Полумесяц» поднял паруса и по широкой водной глади заскользил на север, огибая Манхэттен с запада. Капитан Хадсон был почти уверен, что это и есть искомый проход. Но... пройдя до того места, где сейчас расположена столица штата Нью-Йорк — город Олбани, он убедился, что это просто река, пусть красивая и широкая, но всё равно не пролив, и в сильном огорчении вернулся обратно.

Генри Хадсон потратил на изучение североамериканского побережья четыре месяца. Подробное описание этих мест стало настоящим географическим событием того времени. Однако — как это зачастую бывает с энтузиастами, вынужденными для пользы дела нарушать принятые порядки, — вместо ожидаемых почестей английский мореплаватель получил на родине арест за хождение под неприятельским голландским флагом. А между прочим, настоящий-то пролив был совсем рядом, только он огибал Манхэттен с востока и отделял его от Лонг-Айленда. Но к искомому северо-западному проходу в Азию он никакого отношения не имел, да и не мог

иметь. Со временем пролив в его западной части назвали Ист-Ривер (*East River*), что означает «Восточная река», но это было уже через много лет после посещения этих мест кораблём Генри Хадсона.

Заметки на полях. В 1610 году упрямец Хадсон вновь отправился в экспедицию в поисках всё того же северо-западного прохода. Только теперь капитана-полярника взяли на службу англичане. Его корабль «Открытие» (*Discovery*), взяв курс на север, вначале прибыл к берегам Исландии, а оттуда уже двинулся к Гренландии, обогнул её южную оконечность и лёг на западный курс. В конце июня к северу от Лабрадора мореплаватели вошли в неизвестный дотоле пролив. В этот момент у Хадсона появилось ощущение, что северный путь в Азию наконец-то найден. Двигаясь вдоль побережья на юг, в первые дни августа Хадсон вышел к большой воде — впоследствии названной в его честь заливом Хадсона. Двигаясь всё время к югу, следующие несколько месяцев Хадсон потратил на исследование и картографирование побережья.

В ноябре корабль «Открытие» застрял во льдах в заливе Джеймса, и команда была вынуждена

сойти на берег на зимовку. Если представить себе, на каких тогда ходили судах, настоящих скорлупках по меркам нашего времени, то трудно не восхититься мужеством, упорством и профессионализмом британского моряка.

Весной 1611 года, после того как путь был освобождён ото льда, мореплаватель планировал возобновить исследования, теперь уже двигаясь на запад. Однако команда подняла бунт и высадила Хадсона вместе с сыном-подростком и семью верными матросами в шлюпку без еды и воды... Более о судьбе этих отважных людей достоверно ничего не известно.

Благодарные потомки воздвигли отважному капитану Генри Хадсону грандиозный, видный издалека памятник на самой южной оконечности Бронкса, в Ривердейле, на берегу полноводной реки, названной его именем.

Описание необыкновенно удобной бухты вместе с рассказом о плодородных землях, о лесах, богатых

пушным зверем, запали в душу голландским купцам. Вслед за Хадсоном были отправлены экспедиции Адриана Блока (*Adriaen Block*) и Хендрика Кристиансена (*Hendrick Christiaensen*). Они обследовали значительную часть этих краёв, а по их карте Генеральные штаты включили в 1614 году эту территорию в состав Голландской Республики под названием Новые Нидерланды.

Но не только география привлекла владельцев Ост-Индской компании. Когда корабль Хадсона вошёл в будущую Нью-Йоркскую бухту, его приветствовали местные жители, индейцы народности ленапе. Они отнеслись к пришельцам дружелюбно, угостили табачком и кукурузой. Помимо этих скромных даров у индейцев оказалось и много чего такого, что могло быть успешно востребовано в Старом Свете, прежде всего пушнина. Перед голландскими купцами замаячили радужные перспективы. Для торговли с Америкой и Западной Африкой в 1621 году была основана ещё одна торговая компания — Вест-Индская (*Geocroyeerde West-Indische Compagnie*), ставшая точной копией уже набравшей

могущество Ост-Индской. Первый торговый форпост в Нью-Йоркской бухте был заложен юной компанией в 1624 году на небольшом острове, впоследствии названном Говернорс-Айленд (*Governors Island*), то есть Губернаторский остров. Изначально там поселилось 30 семей выходцев из Фландрии. Годом позднее они перекочевали на соседнюю, южную оконечность Манхэттена.

Именно с этого поселения и стартовала история Нью-Йорка, а 1625-й, как год основания города, появился в нижней части его герба. Хорошо укрепленный город в устье реки был призван обеспечить безопасность судам Вест-Индской компании, торговавшей в верховьях Хадсон-Ривер с местными индейцами. Кроме того, он бы контролировал доступ к устьям рек Делавэр (*Delaware River*), что к югу, и Коннектикут (*Connecticut River*) — к северу. А ещё новый город должен был стать столицей провинции Новые Нидерланды. Кстати, название нидерландского парламента — Генеральных Штатов — по-голландски звучит как Статен-Генерал (*Staten-Generaal*). Генри

Хадсон увековечил его на карте, назвав самый большой остров в Нью-Йоркской бухте Статен-Эйландт, теперь — более знакомо — Стэйтен-Айленд.

Главной проблемой для жителей всякого возводящегося на пустом месте жилья, будь то город или загородное поместье, является безопасность. Особенно если дело происходит в чужом, непривычном, а потому представляющемся враждебным, мире.

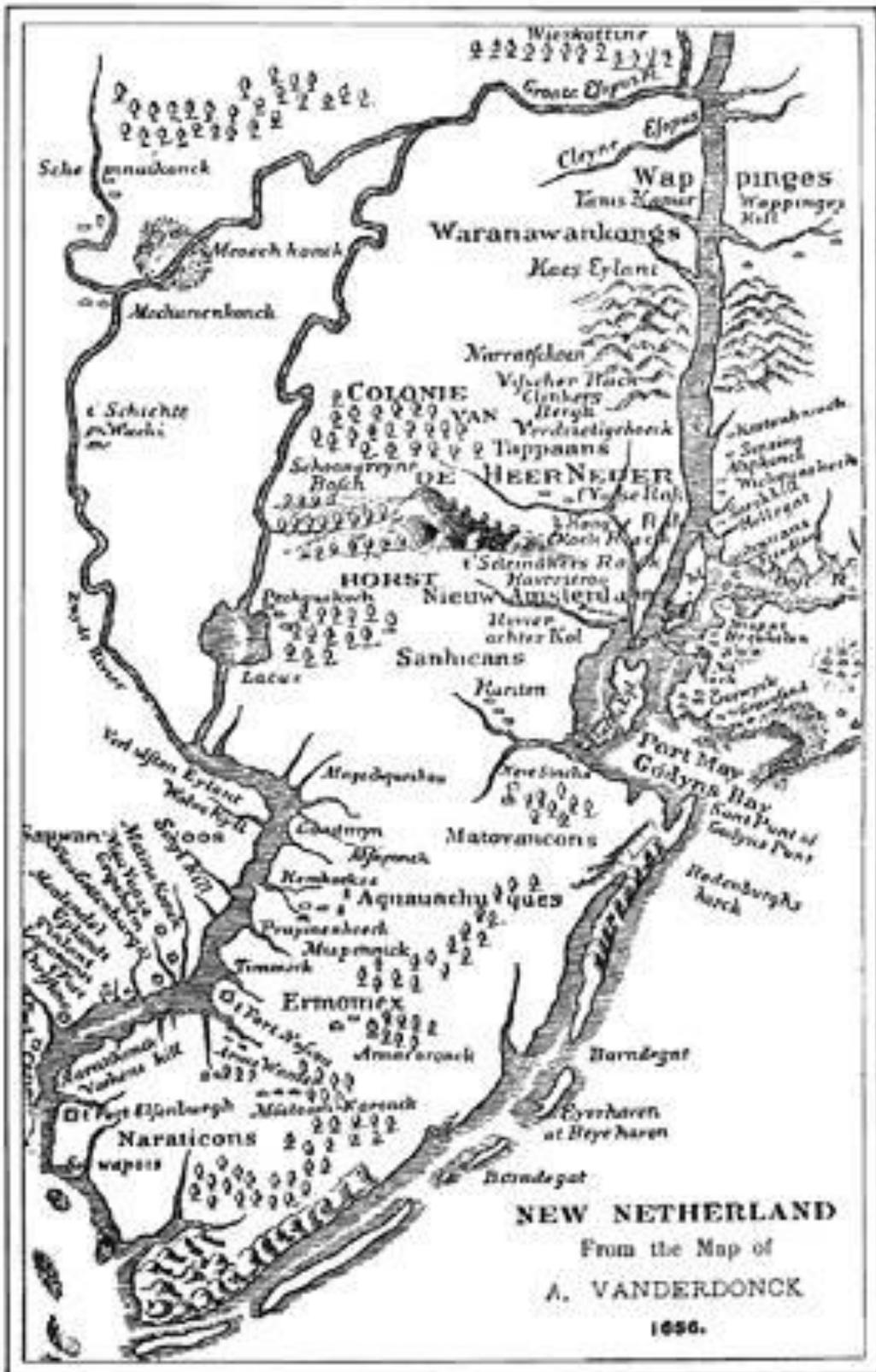
Опасения обитателей Новых Нидерландов были вовсе не беспочвенными.

Во-первых, далеко не все индейцы были настроены к ним дружелюбно, да и дружба в те времена легко переходила во вражду, ещё и приправленную ритуальным снятием скальпов. А индейцы были воинами первоклассными, и сражались они на своей земле.

Во-вторых, Новые Нидерланды были обширной и почти незаселённой заморской провинцией, занимавшей значительную часть территории нынешних штатов Нью-Йорк, Нью-Джерси, Коннектикут, Делавэр и Пенсильвания. Чуть ранее расположенный к северу-востоку Массачусетс стали осваивать ан-

глийские религиозные диссиденты, бежавшие в Новый Свет от преследований британской короны. Они основали там Плимутскую колонию. А тем временем из Англии продолжали прибывать всё новые волны переселенцев, и в скором будущем им могло стать тесно в Массачусетсе. Кстати, в мировом океане голландцам и англичанам уже было тесно.

В-третьих, по замыслу совета директоров Вест-Индской компании, знаменитых «Девятнадцати джентльменов», форт и порт ещё должны были стать базой голландской экспансии на юг. Вытеснить испанцев из их колоний на Карибских островах, и прежде всего на Арубе и Кюрасао, представлялось руководству компании делом как практичным, так и прибыльным. А заодно бы ещё и португальцев выдворить из северной Бразилии, хорошенько двинув их локтем по рёбрам. На торговле сахаром, патокой, ромом и рабами можно было сделать гораздо больше денег, чем на скромном пушном бартере. Да и голландским приватирам, то есть пиратам в законе, отсюда было бы намного сподручнее атаковать испанские караваны, идущие в метрополию с грузом серебра из Южной Америки.

Новые Нидерланды

Вскоре на крайней южной оконечности острова был сооружён простой деревянный форт. Он был построен на том самом месте, где сейчас находится музей индейского искусства. Пушки четырёх его бастионов должны были, по замыслу военных инженеров компании, отогнать любого неприятеля, с какой бы стороны света он ни пожаловал. Внутри форта располагались каменная церковь, дом губернатора, склады и казарма. Гарнизон насчитывал 60 солдат. Форт был окрещён Амстердамом — в честь того голландского города, где находилось отделение Вест-Индской компании, организовавшее колонию. По мере прибытия новых поселенцев у внешних стен форта стали расти просторные дома с высокими черепичными крышами и хозяйственные постройки — точные копии родных голландских. Свежий атлантический бриз без усталости вращал крылья ветряных мельниц.

Сами горожане себя колонистами не считали, они прибывали сюда по контракту с Вест-Индской компанией и обустроивались на американской земле как её служащие. Согласно договору, они

должны были обслуживать фермеров, селившихся чуть дальше к северу от города, и заниматься торговлей с индейцами, поставлявшими купцам меха.

Возникшее у крепостных стен поселение получило название по форту — Нью-Амстердам (*Nieuw Amsterdam*). Название оказалось живучим — его и сейчас можно прочесть на здании городского суда в Нижнем Манхэттене. Вначале голландцы строили свои дома вдоль Ист-ривер — восточный берег Манхэттена был лучше защищён от разрушительных зимних штормов. Первую в городе набережную назвали Пёрл-стрит (*Pearl Street*), то бишь Жемчужная улица. В те времена там действительно водилось много устриц. Теперь их там нет и в помине, а Пёрл-стрит просто улица, а не набережная, — в результате человеческой деятельности вода отступила от островных берегов на 700–900 футов, — но красивое название осталось. Главной же улицей в Нью-Амстердаме стала Биверс-Пат (*Beaver's Path*), то есть Бобровая тропа, позднее переименованная в

Геэр-Страт (*Heere Straat*), что по-голландски означает Джентльменская улица. Она была проложена на месте протоптаной индейцами тропы, ведущей чуть наискосок, с юга Манхэттена на север.

Голландцам тропа сразу же пришлась по вкусу. В обустроенном виде она стала местом вечернего променада. Дамы и господа, облачённые в модные европейские наряды, медленно прохаживались по деревянным тротуарам взад и вперёд, обмениваясь новостями, слухами и сплетнями. В те времена местное высшее общество весьма колоритно выражало свои мысли, применяя — как принято сейчас говорить — неформальную лексику, что во многом объяснялось действием пива, принятого на грудь в ближайшей таверне. Этот хмельной напиток в Нью-Амстердаме всегда был в особом почёте.

Зачастую переход улицы на противоположную сторону превращался в небольшое приключение. Дамы лихо перепрыгивали с одного сухого места на другое, задрав повыше свои многочисленные кружевные юбки, господа же громко хохотали, присе-

дая и указывая пальцами на обнажившиеся чуть выше лодыжек прекрасные женские ножки... Словом, нравы в тех краях были весьма далеки от галантной обходительности Старого Света. Может быть, поэтому улицу впоследствии ещё раз переименовали — из Джентльменской она превратилась в Брэдэ-Вэхо (*Breede Wegh*), что по-английски звучит как Бродвей (*Broadway*).

Нью-Амстердам

Нью-Амстердам возник и рос как нормальный портовый город со всеми его атрибутами: такелажной мастерской, матросским общежитием, тавернами, пивоварней, церковью, аптекой, пекарней и мясной лавкой. Постепенно возникали и прокладывались улицы, переулки, пустыри, сточные каналы. Пищевые отходы и мусор в городе никто не убирал — этим занимались многочисленные свиньи, с громким хрюканьем бегавшие по городу. Свиней в городе уважали — добрый шмат ветчины с парой кружек пива был основой рациона жителя Нью-Амстердама. Из общественных заведений больше всего в городе было таверн. Они были очень по сердцу жовиальным поселенцам, отличавшимся буйным нравом, любовью к выпивке и искренним пренебрежением к любым правилам и законам, если они представлялись кому-то противоречащими их представлениям об устройстве мира. А таковых в Новом Амстердаме с каждым годом становилось всё больше. Ибо кто же ещё отваживался плыть в неведомые края, как не народ бывалый, отчаянный, авантюрный, кому уже тесно было в его родном доме.

Между тем Новый Амстердам расширял свою территорию — хотя и медленно, но неуклонно. В 1636 году горстка переселенцев перебралась через Ист-Ривер и распахла нетронутую плугом землю на западной оконечности Лонг-Айленда. Через двенадцать лет первая голландская фермерская община на острове получила статус посёлка. Его назвали Брейкелен (*Breukelen*) — в честь одноимённого города в Нидерландах. Со временем это голландское название превратилось в английское — Бруклин.

В начале 1640-х годов, но уже заметно севернее, появились посёлки Маспет (*Maspeth*) и Флашинг (*Flushing*). С них начинался современный нью-йоркский район Квинс (*Queens*). Флашинг вошёл в американскую историю в связи с очень примечательным документом, датированным 1657 годом и названным «*Flushing Remonstrance*» («Протест Флашинга»). Именно с него началась американская традиция свободы исповедания любой религии, не нарушающей прав человека и гражданина.

В 1639 году датчанин Йонас Бронк (*Jonas Jonasson Bronk*), переправившись через реку Харлем-Ривер, поселился на материке, где построил

ферму и занялся земледелием. Позднее отсюда — с его маленькой фермы, словно яблоня из крошечного яблоневого семечка — развился нью-йоркский район Бронкс.

С колонизацией Стэйтен-Айленда у голландцев возникли проблемы — краснокожие коренные жители оказались ребятами несговорчивыми. Только в 1661 году на нём появилось их первое поселение, названное Ауде-Дорп (*Oude Dorp*), что по-русски означает Старая деревня.

В то время, когда западная часть Лонг-Айленда активно заселялась выходцами из Голландии, на востоке острова в 1640 году появились первые английские переселенцы-пуритане. Они туда попали, переправившись через пролив, отделяющий остров от материка.

Кто бы мог подумать тогда, что из этих одиноких ферм и крошечных посёлков со временем вырастет грандиозный мегаполис? Между тем, в середине XVII века в Новом Свете быстро и уверенно прорастал совершенно новый, невиданный нигде ранее уклад жизни.

Очерк второй

Нью-Амстердам

Если спросить жителя Нью-Йорка, что для него означает слово «Стайвесант», то наверняка можно будет услышать, что это — название района в Бруклине, городского сквера, лучшей школы в Манхэттене, — в общем, часть топонимики города. Но далеко не все задаются вопросом — а почему это слово стало частью городской среды?

В 1647 году в Нью-Амстердам прибыл новый генеральный директор — по совместительству губернатор — по имени Питер Стайвесант (*Peter Stuyvesant*). Дела в колонии шли из рук вон плохо, нужен был волевой и умный человек, способный кардинально изменить ситуацию. До этого 35-летний Стайвесант занимал должность директора Вест-Индской колонии на карибском острове Кюрасао. Однажды в ходе сражения за остров Сен-Мартен ему испанским ядром оторвало правую ногу ниже колена. Несмотря на тяжёлое ранение, Стайвесант

выжил, а утраченную часть ноги ему заменил протез. До этого он был одним из многих бюрократов Вест-Индской компании, чиновником хотя и деятельным, но малопримечательным. Ранение в бою создало Стайвесанту репутацию мужественного солдата и истинного голландца. А истинные голландцы обладают характером почти нордическим. К сожалению, многие из них бывают слегка несдержанными, но они отважны и безукоризненно выполняют служебный долг. Лучшим подтверждением этого и служил деревянный протез с серебряными застёжками, на который опирался Стайвесант. С первого взгляда все окружающие должны были понимать, что *такой* человек понапрасну словами разбрасываться не станет.

«Я буду править вами, как отец детьми», — так по прибытии заявил новый губернатор упрямым и своенравным жителям Нью-Амстердама. После чего немедленно запретил выпивку по воскресеньям, объявил вне закона драку на ножах в общественных местах и отправление естественных по-

требностей на улицах, ввёл крутые штрафы за пропуск церковной службы, за гонки на телегах по Бродвею и за любовные утехи с индейскими женщинами. Все эти немыслимые прежде строгости обеспечивала полиция в составе девяти человек, созданная Стайвесантом для поддержания правопорядка. Да, и ещё: по мнению набожного гендиректора, верить во Всевышнего на вверенной ему территории можно было отныне только одним образом — в лоне Голландской протестантской церкви. Это уже было слишком.

Как и следовало ожидать, вольнолюбивые бюргеры взбунтовались. Как только ни называли они своего новоявленного «отца»: «напыщенный индюк», «зазнавшийся павлин», «стервятник», «упрямый бродяга» — и тому подобными страшными ругательствами. Хотели даже жаловаться на него Совету директоров Вест-Индской компании. В ответ Стайвесант пообещал, что сделает каждого жалобщика на фут короче и в таком виде отправит в Голландию — по-видимому, подразумевая, что высота человеческой головы как раз один фут.

Угроза была серьёзная и действие возымела. По прошествии короткого времени в колонии была восстановлена мораль, а на улицы города пришли закон и порядок.

Питер Стайвесант

Несмотря на вздорный характер, Стайвесант оказался толковым и работающим администратором. Менее чем за десять лет он построил в Нью-Амстердаме школу, почтовое отделение, больницу, дом для престарелых, приют для сирот и, разумеется, тюрьму. Он также впервые ввёл должность городского пожарного инспектора — и тем завершил создание основ социальной инфраструктуры. А ещё Стайвесант был убеждённым сторонником всеобщего просвещения и постоянно повторял, что нет ничего важнее, чем раннее обучение детворы. К 1661 году в Нью-Амстердаме уже были две бесплатных начальных и одна средняя школы. Каждый ребёнок в городе получал вполне приличный по тем временам набор знаний. В результате, в отличие от большинства европейских городов, Нью-Амстердам мог похвастаться абсолютным уровнем грамотности.

В этих условиях деловая жизнь закипела в городе с удвоенной силой. Пирсы для кораблей, каналы, мельницы росли как грибы. В 1653 году губернатор Стайвесант позволил свободным гражданам

Нью-Амстердама создать свой городской совет, независимый от деятельности представляемой им компании. Это позволило разделить обязанности — теперь Стайвесант смог всецело заняться делами провинции Новые Нидерланды, доверив Нью-Амстердам городскому совету. И вот пять вновь избранных государственных мужей собрались на первое заседание в городской таверне, ставшей на время Сити-холлом, то есть городской управой. Начали они с постановления о создании стены, способной защитить город с севера — от нападений индейских племён, провокаций колонистов Новой Англии и от возможного нападения британской армии. Для таких опасений у жителей Нью-Амстердама имелись, увы, веские основания.

Заметки на полях. Нам будет сложно разобраться в том, что происходило в этом отдалённом уголке земного шара, если не учитывать глобального противостояния, которое развернулось между Англией и Нидерландами в середине XVII века. Это были два наиболее экономически развитых государства той эпохи. Время было бурное,

торговля и колониальная экспансия были неотделимы друг от друга. В наиболее яркой форме это выразилось в очень жёсткой конкурентной борьбе английской и голландской Ост-Индских компаний, чьи интересы пересекались по всему миру. До поры до времени постоянно возникавшие локальные конфликты удавалось решать дипломатически, но мир был очень хрупок. В октябре 1651 года английский парламент принял Навигационный акт, направленный против голландской морской торговли. Вдобавок всё более внушительный ущерб наносили Голландии пиратские действия англичан на океанских торговых путях.

Возмущению голландцев не было предела. Этих заносчивых англичан надо хорошенько проучить! Не понимают язык здравого смысла? Поймут язык корабельных пушек! Первая англо-голландская война 1652–1654 годов развернулась не только в морских водах, омывающих Англию и Голландию, но и в Средиземном море, и в проливах, связывающих Балтийское и Северное моря, и даже в Индийском океане. Морские сражения шли с переменным успехом. Постепенно чаша весов стала клониться в сторону Англии, обладавшей более сильным военно-морским флотом. По

Вестминстерскому мирному договору, подписанному 15 апреля 1654 года, Голландия должна была примириться с Навигационным актом. Мир был заключён, но напряжённость в отношениях двух стран осталась, поскольку имевшиеся противоречия никак не разрешились. Даже наоборот, ещё более усилились. Конечно, эти события в Старом Свете не могли не наложить свой отпечаток на жизнь в Свете Новом.

Хотя Первая англо-голландская война и не затронула Новые Нидерланды, губернатор Стайвесант понимал, что в какой-то момент военные действия неизбежно перекинутся на Американский континент. Рано или поздно англичане обязательно попытаются захватить Нью-Амстердам. Со стороны моря город защищал форт, но со стороны суши он был ничем не прикрыт. Поэтому и форт надо было укрепить, и стену защитную построить. Стайвесант смог

убедить в этом городской совет, и тот скрепя сердце пошёл на невиданную прежде меру — введение городского подоходного налога. А пока прижимистые бюргеры чесали в затылках, не спеша раскошеливаться, отцы города заняли 6000 гульденов у сорока трёх наиболее процветающих городских коммерсантов и спешно начали фортификационные работы.

Через несколько лет 12-футовая стена протянулась поперёк Манхэттена — от Хадсона на западе до Ист-Ривер на востоке. Это был внушительный частокол с заострённым верхом, поставленный на земляной вал. Наряду с безусловными внешними достоинствами — фортификация выглядела устрашающе — у неё обнаружили и некоторые недостатки — не исполнения, а замысла. Когда двумя годами позднее город был атакован индейцами, те попросту обошли стену.

История такова. Однажды Стайвесант решил проучить нахальных шведов, без всякого спроса со-

здавших колонию на Делавэре. Вест-Индская компания дала «добро», суровый губернатор собрал своих солдат, посадил их на корабль, и они отправились на юг — наводить порядок. И суждено же было случиться, что именно в это время фермер по имени Хендрик ван Дик так разобиделся за свои персики, которые без его ведома снимала с веток одна индейская дамочка, что не нашёл ничего лучше, как застрелить её прямо на месте. На свою беду фермер, по-видимому, не знал или забыл, что он убил не просто мелкую воровку — застреленная им индианка была частью племени. А племя так устроено, что — око за око, зуб за зуб... да и скальп в придачу.

Не обученные европейским премудростям штурма крепостей, индейцы сели в свои каноэ чуть выше по реке и ночью высадились на городском берегу — то есть уже за стеной. Перед рассветом улицы Нью-Амстердама заполнились индейскими воинами. Они врывались во все дома подряд в поисках презренного бледнолицего и не успокоились, пока его не нашли...

Потом разошедшиеся индейцы перебрались на противоположный, сейчас нью-джерсийский, берег. Там они уже повеселились вовсю — вырезали полностью население городков Хобокена и Павонии (нынешнего Джерси-Сити), затем их подожгли. Колонисты со всей округи в панике устремились в Нью-Амстердам — под защиту стен форта. У срочно вернувшегося обратно Стайвесанта не оставалось иного выхода, как пойти навстречу требованиям разгневанных индейцев. А они хотели получить огнестрельное оружие и боеприпасы, да и ещё были бы совсем не против, чтобы пришельцы убирались туда, откуда прибыли, — за океан.

Это было уже слишком. Чтобы пресечь стремительно распространявшуюся панику, Стайвесант приказал капитанам судов, стоявших в гавани, поднять якоря и уйти в океан. Увидев, что бежать не на чем, горожане постепенно успокоились, и история Нью-Амстердама на этом не завершилась. А вскоре новый приток иммигрантов упрочил его положение.

Горожане умоляют Стайвесанта не сражаться

Всё же, учитывая печальный опыт «персиковой войны», Стайвесант дал указание фермерам, живущим поодиночке, собраться в укреплённые деревни. Дома жителей окружались надёжной деревянной изгородью, а вход в деревню защищал блокпост с небольшим воинским гарнизоном. Одну из таких деревень назвали Нью-Хаарлем (*Nieuw Haarlem*), в память о городе на родине, оказавшем упорное со-

противление испанцам во время Войны за независимость Нидерландов. Деревня Нью-Хаарлем находилась там, где сейчас проходит 125-я улица (*125 Street*) — сердце сегодняшнего района Харлем, или Гарлем, как его принято называть по-русски.

К середине пятидесятих годов XVII века голландская колония в Америке стала магнитом для множества европейцев. Своих сородичей для поселения в Новом Свете не хватало — немногим хотелось покинуть цивилизованную жизнь на родине и отправляться чёрт-те куда за океан. Но не везде в Старом Свете дела шли так хорошо, как в Нидерландах. Вот и объявила Вест-Индская компания по всей Европе о возможности начать новую интересную жизнь за океаном, а заодно и поправить материальное положение. И уже в скором времени город с населением в полторы тысячи человек заговорил на восемнадцати языках: английском, французском, ирландско-гэльском, немецком, испанском, португальском, чешском, польском... В какой-то момент это многоголосие стало откровенно пугать Стайвенса. Нью-Амстердам стремительно превращался

во всемирную деревню, слишком разнородную, чтобы ею можно было управлять так, как он понимал.

И вот к этому вавилонскому столпотворению попыталась присоединиться ещё одна этническая — или, если хотите, религиозная — группа.

Ещё во времена разгула в Европе инквизиции Нидерланды стали убежищем для многих испанских и португальских евреев-сефардов. Голландцы были людьми веротерпимыми, да и насолить католической Испании тоже было удовольствием немалым. А когда в 1630 году голландцы вытеснили португальцев из северной Бразилии (*Recife*), туда вместе с ними прибыло 600 еврейских семей. Сефарды ещё не забыли португальский язык и уже выучили голландский — идеальный вариант для новой колониальной администрации. Но по прошествии 24 лет португальцам удалось восстановить свой контроль над ранее утраченными владениями, и гражданам Нидерландов был представлен выбор: принять католичество и остаться — или отправляться восвояси. Вполне гуманно по меркам того времени.

Идея перемены веры мало кого вдохновила, почти все колонисты решили вернуться домой. Вскоре вереницы судов с репатриантами на борту отправились в длительный вояж через Атлантику. Среди них был и караван из 16 парусников. Но Европы достигло только 15 судов, а последнее было захвачено испанскими пиратами, промышлявшими в Карибском море. На его борту, наряду с голландцами, было ещё и 23 сефардских еврея — четыре супружеских пары, две незамужние женщины и тринадцать детей. Их участи по прибытии в пиратскую гавань не позавидовал бы даже самый оголтелый мазохист... Но, к счастью для пленников, на пути пиратского корабля оказался французский корсар «Сен-Шарль» («*St. Charles*») под командованием капитана Жака де ля Мотта (*Jacques de la Motthe*).

Заметки на полях. В XVII веке ареной колониальных войн стала Вест-Индия. Так, по сложившейся в Европе традиции, было принято называть острова Карибского моря: Барбадос, Эспаньолу, Кубу, Ямайку, Тринидад, Тобаго и другие. Положение в Вест-Индии было сложным — англичане, голландцы и французы, проникшие туда много

позднее испанцев, пытались наверстать упущенное. Испанцы, первыми пришедшие в эти края, завладели значительной частью Америки и, ревностно защищая свои интересы, пытались всеми силами не допустить туда конкурентов, тоже претендующих на богатства местных недр. Это были, главным образом, золото и серебро, которые добывались в Перу и Мексике. Выглядело это так, что Франции, Англии и Голландии очень хотелось откусить от американского пирога, но испанцы их к нему не подпускали.

На суше взять их было трудно, а вот доставка богатств по морю оказалась уязвимым звеном. Поэтому главной целью конкурентов испанских конкистадоров стало уничтожение их морской торговли. Наиболее же пригодным для того средством оказались приватиры, которых также называли каперами (это если по-немецки) или корсарами (по-французски). Это были частные лица, которые с разрешения властей своих государств снаряжали суда с целью захвата купеческих кораблей неприятеля, а в некоторых случаях — и нейтральных держав.

Отличием корсаров от классических пиратов была приватирская лицензия от властей, по-английски называвшаяся «Letter of Marque and

Reprisal», а по-французски — «*Lettre de course*»². Этот документ, с одной стороны, позволял воевать частному (отсюда и название «приватир»), то есть частному судну, а с другой — ограничивал круг его целей только враждебными флагами. Бывало и так, что разница между приватиром и пиратом оказывалась весьма условной. Таким образом, политика европейских стран, всячески поддерживавших «своих» приватиров, привела к тому, что Карибское море оказалось под полным контролем разноплеменных флибустьеров, как простых, «самостийных», так и «в законе». Одним из них и был француз Жак де ля Мотт.

«Сен-Шарль» в бою перехватил добычу испанских пиратов, и капитан Жак де ля Мотт сделал еврейским пленникам предложение, от которого

---

² Официальные наименования каперской лицензии в Англии и во Франции в XIV–XIX вв.

нельзя было отказаться: он с удовольствием доставит их в Нью-Амстердам, если они ему заплатят 2500 гульденов. В порт назначения «Сен-Шарль» пришёл в конце лета 1654 года. Но всё, что могли наскрести горе-путешественники, не превышало и тысячи. Тогда был проведён аукцион, на котором было продано личных вещей и пожитков ещё на тысячу, но и это не решило проблему: взять остальные 500 с лишним гульденов было уже негде. По требованию Жака де ля Мотта, суд колонии арестовал двух глав семей, чтобы держать их в заложниках до получения всей суммы. Арест, однако, оказался непродолжительным. Вероятно, в судьбу беженцев снова вмешалось Провидение, поскольку матросы «Сен-Шарля», увидев, что у тех действительно не осталось ни гульдена, сердобольно отказались от своей доли выкупа.

Без гроша в кармане, бездомные, лишённые последнего, сефарды застряли в чужом и неприветливом городе.

Ко всем прочим свалившимся на их головы несчастьям вскоре прибавилось ещё одно — губернатор Стайвесант направил Совету директоров Вест-

Индской компании письмо, требуя запретить поселение евреев в Нью-Амстердаме. Истовый кальвинист, он и так страдал от присутствия всех этих неприятных лютеран, англикан, католиков и прочих не совсем истинных христиан, невесть откуда взявшихся в его городе. А тут ещё какие-то евреи... Их появление было последней каплей, переполнившей чашу его терпения.

Ответ компании привёл Стайвесанта в уныние. Ему напомнили, что он поставлен управлять бизнес-организацией, а не религиозным заведением. Что ещё давним решением голландского парламента евреям было разрешено жить и работать в Нидерландах при условии, что они сами позаботятся о своих бедных. Беженцам разрешили остаться, а Стайвесанта отругали за религиозную нетерпимость. Письмо Совета директоров заканчивалось словами: «...угнетённые и преследуемые из каждой страны мира нашли у нас убежище. Следуй всегда тем же курсом — и ты будешь благословлён»³.

---

³ 3 Burns Ric, Sanders James. New York. — New York: Alfred A. Knopf, 2003.

В этих словах был заложен глубокий и актуальный до наших дней смысл. С самого начала колонизации Америку создавали различные потоки иммиграции. На северо-востоке в ноябре 1620 года высадились первые английские протестанты-кальвинисты, бежавшие от религиозных преследований на родине. Сами себя они называли пилигримами. За пилигримами последовали пуритане, ещё одна группа английских протестантов-нонконформистов. Люди они были образованные, умелые и работающие, и всё бы хорошо, если бы не одно «но»: сила их веры оборачивалась нетерпимостью к любым другим религиозным идеям. Нетерпимостью — ко всем, кто отличался от них. Пуритане, основавшие Бостон через пять лет после возникновения Нью-Амстердама, требовали религиозного единообразия от всех жителей Бостона. А если кто на это не соглашался, тех просто не пускали к себе или того хуже — гнали прочь из города.

Была и другая модель заселения континента, которую можно назвать «государственной». В 1607 году в Северной Америке была основана первая официальная английская колония. Колонию

назвали Вирджинией, а населили её слуги его королевского величества Джеймса I Стюарта⁴. Слуги — не столько по должности, как по состоянию души. Посему и в Новом Свете они воссоздали социальный порядок Старого — ведь другого они попросту не знали. В результате образовался причудливый и не очень симпатичный коктейль из родовитых британских аристократов, безродного плебса и африканских рабов, которых на осваиваемые англичанами территории завозили промышленявшие работниками торговли пираты и иные любители быстрых грязных денег.

Голландцы же, основавшие Нью-Амстердам, никаким монархам не служили и ни от кого и никуда не бежали. Свободные люди, они пришли делать деньги. Вест-Индская компания — гигантская торговая империя XVII века — неуклонно расширяла свой бизнес. И этот мощный начальный импульс сугубо делового подхода сформировал характер и определил состояние духа будущего великого города. Голландцы принимали людей любой веры, включая даже тех, кто вообще ни во что не верил, но хотел и

---

⁴ В российской историографии — Якова I.

умел работать и тем приносить пользу обществу. Чего во всём этом было больше: голландской толерантности, протестантского прагматизма или буржуазного либерализма — с уверенностью ответить сложно, но именно эти факторы определяли сознание и поведение жителей Новых Нидерландов.

Вот так крошечный голландский торговый форпост на краю земли стал прообразом общества нового типа. Насколько же это общество окажется устойчивым, должно было показать будущее... Которое вскоре материализовалось в виде четырёх британских фрегатов с десантом на борту.

***Заметки на полях.** До конца 1650-х годов Англия не представляла особой опасности для Нью-Амстердама. Погружённая в водоворот Пуританской революции и последовавшей за ней гражданской войны, приведшей к установлению в ней республиканского строя, Англия была занята собой. Правительство лорда-протектора Оливера Кромвеля не могло уделять достаточно внимания и своим колонистам в Вирджинии и Массачусетсе, а что уж говорить о крошечном голландском порте на Хадсон-Ривер. Первая англо-гол-*

ландская война 1652–1654 годов прошла стороной и никак не затронула голландские владения в Северной Америке.

Однако восстановление на троне в 1660 году династии Стюартов всё изменило не просто, а самым коренным образом. Министры короля Чарльза II (Карла II), в особенности его младший брат Джеймс, герцог Йоркский, стали выстраивать грандиозные планы колониальной экспансии. Джеймс Стюарт был фигурой довольно примечательной. Несмотря на то что во времена Пуританской революции и диктатуры Кромвеля он нашёл убежище в Нидерландах, его королевское высочество был очень невысокого мнения о голландцах. К тому же он был католиком и всей душой ненавидел преуспевающую протестантскую республику. Для полноты картины надо отметить, что герцог ещё немного подрабатывал на стороне — сразу же после реставрации монархии он создал и возглавил Королевскую Африканскую торговую компанию. Пайщиками в ней были богатые лондонские купцы, а также члены королевской фамилии. Новое торговое предприятие занималось вывозом рабов из Африки в Новый

Свет, а также разбоем в западноафриканских водах, но такие мелочи его королевское высочество, как видно, смущали не особо.

Однако на пути столь прибыльного бизнеса имелось одно существенное препятствие — голландское монопольное владение африканскими портами. Оно серьёзно мешало герцогу Йоркскому зарабатывать настоящие деньги на работоторговле. Надо было как-то подвинуть упрямых голландцев, прервать регулярное голландское судоходство между Новыми Нидерландами, Карибскими островами и западным побережьем Африки. Нью-Амстердам выглядел наиболее уязвимым местом — настоящей ахиллесовой пятой — в этом стратегическом треугольнике. Нужен был только подходящий момент и предлог, чтобы нанести удар.

Гром грянул в начале 1664 года. Некий капитан Джон Скотт (*John Scott*) из поселения Саутгемптон на Лонг-Айленде попросил англичан, живущих в Новых Нидерландах, провозгласить его президентом

этого острова. Как положено в таких случаях, авантюрист утверждал, что действует не от собственного имени, а является личным эмиссаром герцога Йоркского. Схема понятная — угнетаемое национальное меньшинство добивается права на самоопределение.

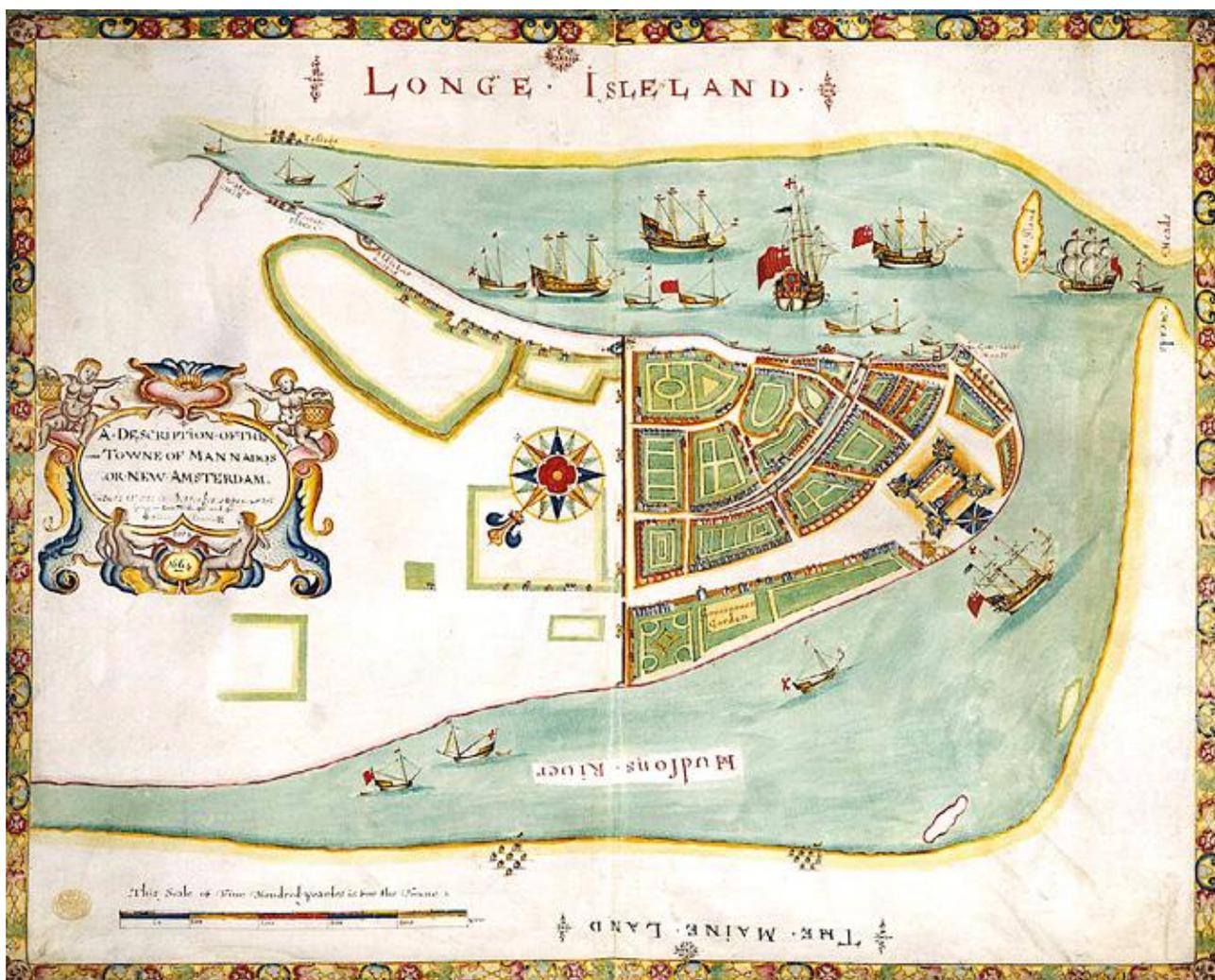

Джеймс, герцог Йоркский

Используя возникшую коллизию, Джеймс Стюарт сумел уговорить своего брата, короля Чарльза II, провозгласить его владельцем всех английских колоний в Северной Америке. А заодно и прилегающих к ним территорий — в расчёте на расширение. Приурочено это было ко дню рождения герцога Йоркского — 24 октября. Подарок должен был быть под стать. И он явно превзошёл самые радужные мечты герцога. Земли в Новом Свете, пожалованные его высочеству венценосным братом, включали Массачусетс, Коннектикут, Род-Айленд и — на что английский король, разумеется, ни малейшего права не имел — Новые Нидерланды. Это означало полный британский контроль всего атлантического побережья — от Бостона на севере и до обеих Каролин на юге. Как посмотрят на это голландцы, Чарльза II, судя по всему, не очень волновало. К тому же, несмотря на то что со дня подписания Вестминстерского мира прошло уже без малого десять лет, отношения между двумя странами были по-

прежнему напряжёнными, если не сказать — враждебными.

На захват Нью-Амстердама Джеймс Стюарт отправил полковника Ричарда Николса (*Richard Nichols*), знатного дворянина, который доблестно сражался в Гражданской войне и за это был вознаграждён близостью к герцогу — в качестве его камергера. В распоряжение полковника-камергера было выделено четыре фрегата Королевского флота и 300 солдат и офицеров. При этом Николс был проинструктирован, как следует провести операцию. От него требовалось взять Нью-Амстердам без кровопролития и сохранить город в целостности и сохранности. По замыслу герцога Йоркского — с поправкой на современные реалии — выходило, что это скорее был рейдерский захват конкурирующей фирмы, чем боевая операция. По тем временам это было довольно необычно, когда грабежи, поджоги, изнасилования и убийства мирных жителей были скорее первыми, чем последними средствами войны.

Карта города, представленная герцогу Йоркскому

В конце августа 1664 года Николс высадился в городке Грэйвсенд (*Gravesend*) на Лонг-Айленде, где был торжественно встречен Джоном Скоттом, самозванным президентом острова, и коннектикутским губернатором Джоном Винтропом (*John Winthrop the Younger*), переправившимся для этого через пролив. Затем солдаты Николса промаршировали через

убранные пшеничные поля к паромной переправе у маленькой деревушки Брейкелен, разбитой на берегу Ист-Ривер, как раз напротив Нью-Амстердама, — там, где сейчас находится въезд на Бруклинский мост. «Именем его величества я требую отдачи города, расположенного на острове, известном как Манхэттен, с его фортами и со всем имуществом!» — заявил Николс делегации горожан, посланной Стайвесантом.

Конечно, губернатор ожидал чего-то подобного уже довольно давно и вместе с городским советом делал всё возможное для укрепления Нью-Амстердама. Они наняли каменщиков для возведения внешних стен форта, собирались полностью окружить город высокой деревянной изгородью, запросили Совет директоров компании прислать три или четыре сотни хороших солдат. Но получилось из этого немного. Для возведения каменных стен форта и сооружения круговой изгороди нужны были немалые деньги, которых у города не было. Надо было опять занимать у купцов, а те, как известно, легко расставаться с деньгами не могут — иначе не были бы купцами. Компания тоже не торопилась

тряхнуть мощной, а подкрепление гарнизону прислала в составе 50 солдат. Форт, правда, обладал 24 пушками, но пороха к ним было как кот наплакал. Ныне, при знакомстве с обстоятельствами потери Нидерландами своих заокеанских владений, создаётся стойкое впечатление, что пункт о сохранении Нью-Амстердама под флагом Вест-Индской компании явно не был главным в списке приоритетов «Девятнадцати джентльменов».

Но несмотря на зияющие дыры в обороне города, Стайвесант сдаваться не собирался. 1 сентября Николс послал Винтропа с письмом, в котором говорилось, что Чарльз II «не собирается проливать кровь христиан» и гарантирует «собственность, жизнь и свободу» каждому жителю Новых Нидерландов, кто подчинится его власти; тех же, кто не примет эти условия, «настигнут все невзгоды войны». Не имея реальных ресурсов для военных действий, Стайвесант решил потянуть время. Он ответил, что не обладает необходимыми полномочиями и для него необходимо прямое указание из Нидерландов. Несложно было понять, что Стайвесант блефует. Николс был категоричен: 48 часов на сдачу

— или штурм со всеми вытекающими последствиями. Чтобы ультиматум выглядел убедительней, господину губернатору и гендиректору было предложено окинуть взглядом бухту.

Лучи жаркого заходящего солнца окрашивали всё вокруг — и воду, и паруса английских боевых кораблей — в зловеще-багровый цвет. Корабли находились так близко, что были отчётливо видны жерла пушек, смотревших в упор на город. Задышавшись от гнева, Стайвесант вскарабкался на южный бастион форта и отдал приказ гарнизону приготовиться к бою. «Пусть меня лучше отнесут к моей могиле, чем я сдамся!» — громовым голосом прокричал он. Но... прежде, чем было суждено прогреметь первому залпу, губернатору вручили петицию от 93 самых богатых и уважаемых горожан. Они предлагали не оказывать сопротивления англичанам, поскольку силы были явно неравны, мирный торговый город был не готов к военным действиям. В конце петиции говорилось, что Стайвесант «обязан смирить свою гордыню, дабы не позволить пролиться невинной крови». Одним из подписавших обращение был и 17-летний сын губернатора — Балтазар.

Стайвесант понял, что ситуация безвыходная, и оправил гонца к Николсу — сообщить, что он готов к переговорам.

В соглашении о передаче колонии Новые Нидерланды от голландской Вест-Индской компании к Великобритании торжественно провозглашалось мирное сосуществование двух культур. Всё голландское оставалось нетронутым: церкви, торговые и социальные учреждения, уклад жизни в целом. Вдобавок Стайвесант выторговал у Николса обещание, что тот не будет посылать британских солдат на постой в дома городских жителей. 8 сентября 1664 года Стайвесант спустил флаг Вест-Индской компании и покинул форт. Гордо подняв голову и старательно печатая шаг деревянной ногой, он промаршировал вместе со своими солдатами к пирсу, где их ожидал парусник «Гидеон», отправлявшийся на родину. Сорокалетняя история голландской колонии в Новом Свете завершилась.

Так осенью 1664 года без пролития единой капли крови Новые Нидерланды стали собственностью британской короны. Теперь дело было за малым — дать приобретению новое название, чтобы

не вызывать у будущих колонистов нежелательных ассоциаций. С этим особых проблем не возникло. 2 февраля 1665 года новая британская колония была названа Нью-Йорк (*New York*) — Новый Йорк — разумеется, в честь герцога Йоркского, как же иначе.

В 1683 году колония Нью-Йорк будет поделена на десять графств. Территория Бруклина, где ныне живёт бóльшая часть русскоязычной иммиграции, станет графством Кингс (*Kings*) — в честь короля Чарльза II. Земли к северу получают название Квинс (*Queens*) — в честь королевы, в девичестве португальской принцессы Екатерины Браганза. Остров Стэйтен-Айленд станет графством Ричмонд (*Richmond*) — по имени незаконнорождённого сына короля. Не были забыты и прочие родственники и сподвижники Стюартов: Олбани, Саффолк и другие.

Остров же, который, согласно легенде, был куплен однажды голландцами у индейцев и на котором расположился город Нью-Йорк, сохранит своё название и останется Манхэттеном. Но здесь я чуть забегаю вперёд...

Правительство Нидерландов расценило захват англичанами Нью-Амстердама как акт международного разбоя и 24 января 1665 года объявило Англии войну. Король Чарльз II вызов принял и 4 марта объявил народу, что Англия отныне находится в состоянии войны с Республикой Соединённых провинций (такое название в ту пору официально носила Голландия). Вторая англо-голландская война, продолжавшаяся почти два с половиной года, велась в основном на море и разворачивалась сразу в трёх частях света — в Европе, Америке и Африке. Она изобиловала множеством драматических моментов, поскольку силы противников были практически равны, и исход её могло решить одно-единственное генеральное сражение. Однако такого сражения никак организовать не удавалось, и боевые действия постепенно расползлись по всему миру и велись везде, где английские корабли встречались с голландскими, и наоборот. Всё же к лету 1667 года воинская удача постепенно склонилась на сторону Нидерландов, принудив английского короля доби-

ваться скорейшего заключения мира на невыгодных для Англии условиях. По результатам мирных переговоров в голландском городке Бреда, завершившихся подписанием 31 июля 1667 года мирного договора, бывшая голландская колония Новые Нидерланды осталась за Англией, которая в виде компенсации уступила Нидерландам свою колонию Суринам в Южной Америке, ранее и так уже захваченную голландскими войсками. Как оказалось, североамериканская колония была утрачена Нидерландами навсегда.

Вновь назначенный королевский губернатор Ричард Николс сделал всё возможное, чтобы облегчить жителям переименованного Нью-Амстердама переход от одной власти к другой. Он сохранил голландское законодательство и обычаи, все чиновники остались на своих рабочих местах. Более того, он предложил бесплатную отправку в Нидерланды всех тех, кто не принял новое правление. Но никто на такое предложение не отозвался и не выразил готовности отправиться вслед за Стайвесантом.

Между тем родина встретила Стайвесанта совсем не так, как он ожидал. По завершении доклада Совету директоров Вест-Индской компании он получил хорошенькую взбучку. В чём только его не обвиняли... Это было столь несправедливо, что разобиженный таким приёмом ветеран решил вернуться в Новый Свет. И своё намерение выполнил. Вернувшись, в знак протеста против британской оккупации Стайвесант поселился на своей загородной ферме, где и прожил безвыездно до своих последних дней. Ферма была известна как «Бауэри Номер Один» (*Bowery No. 1*); это была одна из шести больших ферм, в своё время основанных Вест-Индской компанией.

***Заметки на полях.** «Бауэри» — это английское произношение нидерландского слова «bouwerij», что означает «ферма». Сейчас это место находится внутри нью-йоркского квартала Бауэри (Bowery). Там, на перекрёстке 2-й авеню и 10-й улицы, стоит церковь Святого Марка (St. Mark's Church in-the-Bowery). В ней покоится прах Питера Стайвесанта и останки нескольких поколений его потомков. Рассказывают, что в 1969 году нью-*

йоркские строительные подрядчики позарились на дорожную землю, занимаемую церковью. Речь уже шла о её сносе. Но в дело вмешалась городская Комиссия по охране исторических памятников (The Landmarks Preservation Commission), объявившая церковь Святого Марка архитектурным памятником. Это означало её спасение от неминуемого разрушения. Знаменательное решение огласил председатель комиссии Хендрикс Голдстоун — прямой потомок одного из тех самых 23 евреев-сефардов, которых губернатор Стайвесант так упорно пытался не допустить к поселению в Нью-Амстердаме. Круг замкнулся.

На многие годы Нью-Йорк застрял в своём самоопределении где-то посередине: уже не голландский торговый форпост, но ещё и не английский колониальный город. Хотя это не мешало ему расти и развиваться. Были заложены новые судовой верфи, по-

строены мельницы и канатные фабрики. Благо сырья и рабочих рук хватало, а энтузиазма было даже в избытке.

А давний след прошлых хозяев хранит архитектура города. Например, в расчёте на наводнения именно голландцами были придуманы высокие лестницы, ведущие ко входам в частные манхэттенские дома. Браунстоуны с высокими крылечками — одна из отличительных примет современного Нью-Йорка. Следы голландского присутствия сохранились и в топонимике города: Стэйтен-Айленд, Бруклин, Бронкс, Гарлем, Флашинг, Маспет... Этот перечень можно легко продолжить. Голландские фамилии американцев — несомненный признак первородства, принадлежности к элите страны, не имеющей родовой, наследственной аристократии. Самым же главным было то, что ставший английским Нью-Йорк сохранил ту траекторию развития, которую Нью-Амстердаму придали основавшие его голландцы.